

«УСЛОЖНЯЮЩИЙ ФАКТОР»? КОАЛИЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ США В КОРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ ОПЫТ ЖЕНЕВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1954 ГОДА

ВАЛЕРИЙ ЮНГБЛЮД
ДЕНИС САДАКОВ

Вятский государственный университет, Киров, Россия

Резюме

Согласование параметров урегулирования вооружённого конфликта всегда представляет собой сложный процесс, в ходе которого сталкиваются интересы всех его непосредственных участников и иных заинтересованных сторон. Одним из ярких примеров подобных противостояний является процесс урегулирования по окончании Корейской войны 1950–1953 годов, кульминацией которого стала Женевская конференция 1954 года. Цель статьи – конкретизировать роль США как лидера коалиции ООН в переговорах, по итогам которых после трёх лет войны с участием около двух десятков стран ситуация вернулась к исходному состоянию – довоенная граница между Северной и Южной Кореей была восстановлена, а наиболее активные и влиятельные члены противоборствовавших альянсов согласились на перемирие. Ставшие доступными в последние годы архивные документы позволяют существенно дополнить сформировавшиеся в отечественной и зарубежной историографии представления о причинах незавершённости процесса мирного урегулирования в Корее по окончании войны 1950–1953 годов. В статье рассматривается вклад дипломатии США в подготовку корейской повестки конференции, показано, что коалиция ООН к началу переговоров в Женеве функционировала в режиме «двойного сдерживания». Уточняется роль США как лидера военно-политического альянса в разработке планов объединения полуострова. Обосновывается вывод о том, что уже во второй половине мая 1954 г. США при принятии решений в первую очередь исходили из мотивов пропаганды и всерьёз думали о завершении переговоров. В результате шанс решить корейский вопрос был проигнорирован и Женевская конференция превратилась в средство фундаментализации американской стратегии на северо-востоке Тихоокеанского региона. Показано, что итоги конференции соответствовали непосредственным ожиданиям Вашингтона и его долговременной дальневосточной стратегии. Итоги корейской фазы Женевской конференции закрепили разделение Кореи на два враждебных друг другу государства и надолго закрыли вопрос о возможности объединения страны.

Ключевые слова:

США; Корейская война; Женевская конференция 1954 года; коалиционная дипломатия; ООН; раскол Кореи; «холодная война»; Дж. Ф. Даллес.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.12.2020

Дата принятия к публикации: 11.05.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: valerteod@gmail.com

Согласование параметров урегулирования вооружённого конфликта представляет собой сложный процесс, в ходе которого сталкиваются интересы как непосредственных участников противоборства, так и иных заинтересованных сторон. В первую очередь сказанное относится к интернационализированным локальным конфликтам с неочевидным исходом. Один из ярких примеров тому – попытки урегулирования по окончании Корейской войны (1950–1953), кульминацией которых стала Женевская конференция 1954 года.

Дискуссии о характере войны в Корее, её итогах и причинах незавершённости процесса урегулирования, в силу которых конфликт был остановлен перемирием в отсутствие мирного договора, сохраняют актуальность для изучения как истории международных отношений, так и текущей мировой политики. В современных исследованиях отмечается, что это событие «трансформировало холодную войну в военную конфронтацию сверхдержав». Корейская война часто характеризуется как «забытая», «неизвестная», «война ошибок», «война с ничейным результатом» [Wells 2020: 472; Westad 2019: 81; Li Xiaobing 2019: 158–163]. Большинство авторов акцентируют её ограниченный характер, благодаря которому она смогла остаться кровопролитным, но всё-таки локальным вложением в набиравшую силу глобальную «холодную войну» [Caldwell 2019: 227].

В отдельных трудах приводятся аргументы в пользу того, что на некоторых этапах она выходила за рамки ограниченного конфликта и фактически приобретала масштаб неограниченной борьбы. Её участники ставили далекоидущую политическую цель: объединить страну путём смены политического режима в одном из двух воюющих корейских государств, чтобы добиться перевеса в глобальном противоборстве формирующихся социально-политических систем и военных блоков [Stoker 2019: 36–37; 56]. Важной особенностью стало вовлечение в боевые действия большого числа внешних игроков – это была схватка коалиций. «Ставшая фактически неизбежной

гражданская война между коммунистами и антикоммунистами, исполненными решимости объединить свою страну, переросла в интернационализированную войну, подстегнувшую ужасающую гонку вооружений», – пишет У. Коэн [Cohen 2005: 283].

Реалии международной жизни второй половины XX – начала XXI в. изобилуют примерами вмешательства великих держав, в том числе и под эгидой ООН, во внутренние конфликты в разных регионах мира. Далеко не всегда последствия такого рода интервенций были благотворными. Изучение поведения великих держав и их союзников на стадии завершения локальных войн, целей и мотивов, которыми они руководствовались во время переговоров о мире, расширяет возможности в осмыслении истоков и природы многих современных политических процессов [Никитин 2016: 56–57]. Возникновение проблемы двух Корей и нагнетание вокруг неё в последующие десятилетия конфликтного потенциала в значительной мере восходит к обстоятельствам подготовки и проведения Женевской политической конференции 1954 года.

Цель настоящей статьи – конкретизировать роль США как лидера коалиции ООН в переговорах, по итогам которых после трёх лет кровопролитной и разрушительной войны с участием около двух десятков стран ситуация вернулась к исходному состоянию – довоенная граница между Северной и Южной Кореей была по факту восстановлена, а наиболее активные и влиятельные члены противоборствовавших альянсов относительно спокойно согласились на перемирие без надежды на подписание взаимоприемлемого мирного договора. Уточнение роли дипломатии США в подготовке корейской повестки конференции в Женеве 1954 г. непосредственно связано с определением её ответственности за конечный результат, а также с пояснением вопроса о том, насколько итоги конференции соответствовали непосредственным ожиданиям Вашингтона и его долговременной стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Для США война в Корее изначально носила коалиционный характер. Однако это была необычная коалиция. США, за исключением двух мировых войн XX века, не участвовали в военно-политических союзах и до конца 1940-х годов в мирное время фактически их не создавали [Beckley 2015: 7]. Вступая в вооружённый конфликт на Корейском полуострове в июне 1950 г. на стороне Республики Корея, они сформировали и возглавили коалицию государств—членов ООН, основу которой составили участники созданной ещё в 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО) (12 из 14 её членов), с которыми на тот момент Вашингтон был связан союзническими обязательствами. Данное обстоятельство на протяжении всей войны существенно влияло на взаимоотношения между членами коалиции и накладывало отпечаток на действия военного командования и принятие политических решений [Vasquez 2009: 190; Robb, Gill 2019: ch. 2, 6]. 1 октября 1953 года, через два месяца после подписания перемирия и прекращения боевых действий, США подписали Договор о взаимной обороне с Южной Кореей, ставший важным элементом американской системы безопасности в этом регионе [Юнгблюд, Садаков 2019], который также принимался во внимание при подготовке переговорной стратегии Вашингтона на политической конференции в Женеве. Наконец, в составе коалиции ООН в войне приняли участие государства, не связанные с США союзническими обязательствами. Сложный состав коалиции затруднял,

а в отдельных случаях и исключал синхронизацию интересов её членов на стадии переговоров о мире. П. Уайтсман отмечает объективную заданность такого рода несогласованности, объясняя её тем, что целью коалиций, как правило, является военная эффективность, тогда как созданные в мирное время альянсы «обычно фокусируются на политических измерениях эффективности» [Weitsman 2010: 132]. История корейской фазы конференции в Женеве содержит материал для проверки этого тезиса.

Вопросы взаимодействия между членами созданных США военных альянсов во время военных конфликтов неоднократно поднимались отечественными и зарубежными специалистами в области теории международных отношений. Имеющиеся качественные обзоры этой темы свидетельствуют о преобладании работ, посвящённых проблеме мобилизации союзников и партнёров к участию в военных операциях, при относительно слабой проработке специфики их взаимодействия на стадии выхода из конфликтов и в переговорных процессах [Истомин 2017а; 2017б].

Вопросы корейского урегулирования затрагивались в работах по истории внешней политики США, Кореи, а также в отдельных специальных публикациях [см., например: Быстрова 2007; Волохова 2015; Печатнов и др. 2012; Робертс Дж. 2008; Торкунов и др. 2008; Урнов 2012; Barnes 2014; Brands 1987; Immerman 1990; Lee 1995; Ruane 1994]. Ставшие доступными в последние годы архивные документы¹ позволяют существенно дополнить сформирова-

¹ Помимо разнообразных американских опубликованных и архивных документов, оцифрованных и ставших доступными для исследования, благодаря электронным архивам и читальным залам (использована Цифровая коллекция Национального архива США, документы Цифровых библиотек ООН, Архива Государственного департамента США, Цифрового архива Центра Вудро Вильсона и ряд других), использованы российские архивные документы (Российский государственный архив новейшей истории, РГНИ). Одна из особенностей источниковой базы по истории государств Корейского полуострова 1945–1954, заключается в том, что значительная часть документов этого периода впервые была введена в научный оборот в рамках международных научных проектов и опубликована в переводе на английский язык либо в виде тематических подборок, либо в качестве приложений к документальным обзорам, снабжённых пространными комментариями историков, впервые работавших с этими документами. Эта практика не была уникальной — таким же путём были введены в научный оборот многие относящиеся к интересующей нас теме документы социалистических государств. Поскольку доступ к оригиналам некоторых из этих документов по ряду причин в настоящий момент ограничен, ссылки на них приведены по англоязычным версиям.

ровавшиеся в отечественной и зарубежной историографии представления о причинах незавершённости процесса мирного урегулирования в Корее по окончании войны 1950–1953 годов и той роли, которую сыграли США в закреплении раскола Корейского полуострова.

1

Корейская война началась в 1950 г. как конфликт двух соперничавших в процессе объединения страны политических режимов: Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и Республики Корея (РК). Очень быстро это противостояние было интернационализировано. Первые меры по оказанию помощи Сеулу США предприняли сразу, как только в Вашингтоне стало известно о вторжении с севера на территорию Республики Корея. Администрации Г. Трумэна потребовалось меньше суток на подготовку решения оказать южнокорейской армии полномасштабную поддержку с воздуха к югу от 38-й параллели. Документальное оформление интернационализации корейского конфликта в ООН заняло чуть больше недели.

В итоге на стороне Южной Кореи в составе коалиции ООН сражались представители 17 государств². Численность союзных войск никогда не превышала 10% от суммарной численности южнокорейской армии и американского контингента. Соединённые Штаты были заинтересованы в демонстрации единства международного сообщества в деле «отражения коммунистической агрессии» и даже выражали готовность взять на себя логистику всей коалиции, хотя «удовлетворение национальных вкусов» нередко представляло значительные сложности для снабженцев армии США [Gough 1987: 120].

С самого начала в войну в Корее были вовлечены также СССР и КНР. Решение о начале войны было санкционировано Москвой, а после серьёзных поражений северокорейской армии в сентябре 1950 г. китайские народные добровольцы стали самым крупным по численности воинским контингентом на полуострове. В воздушных боях с американцами принимали участие советские лётчики и части ПВО, присутствовал значимый контингент военных советников из СССР.

Соглашение о перемирии было подписано в Пханмунджоме 27 июля 1953 года. Ему предшествовали длительные дебаты как между представителями воюющих сторон, так и внутри каждой из коалиций [Wells 2020: 230–231]. Перемирие предусматривало прекращение огня и создание демилитаризованной зоны вдоль линии соприкосновения войск ООН с силами коммунистов. Вопрос о восстановлении единства страны должен был рассматриваться на следующем этапе урегулирования в ходе международной политической конференции³. Предварительное согласование подходов к решению этой проблемы в ООН происходило во время работы специальной сессии Генеральной Ассамблеи в августе 1953 года [Whittaker 1995: 45].

Наиболее острые дискуссии вызвали вопросы участия в конференции Индии и СССР. США последовательно ориентировались на позицию южнокорейских властей, выступавших против приглашения «прокоммунистической», с точки зрения южнокорейского президента Ли Сынмана, Индии⁴. В свою очередь, страны, воевавшие в составе коалиции ООН, настаивали на привлечении Дели к переговорам и подчёркивали его прямую заинтересованность в мирном урегулировании как нейтральной

² В составе коалиции ООН воевали Австралия, Бельгия, Великобритания, Голландия, Греция, Дания, Италия, Канада, Колумбия, Люксембург, Новая Зеландия, Норвегия, США, Турция, Франция, Филиппины, Таиланд. Индия направила в распоряжение коалиции полевой госпиталь, но, соблюдая нейтралитет, такой же госпиталь направила в Северную Корею.

³ Armistice agreement (July 27, 1953) URL: <http://www.koreanwar-educator.org/topics/armistice/armistice.pdf> (accessed: 07.12.2020).

⁴ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1952–1954. Vol. XV. Part 2. Wash.: GPO, 1984. P. 1469.

стороны, председательствующей в Комиссии по репатриации⁵ [Barnes 2014: 217]. Особенно активно эту позицию отстаивала делегация Франции⁶. Конец разногласиям положил представитель Индии в ООН В.К. Менон, который, понимая, что необходимые для положительного решения две трети голосов на заседании Генеральной Ассамблеи набрать не удастся, заявил об отказе его страны от участия в конференции⁷ [Barnes 2014: 220].

В отношении СССР Генеральная Ассамблея приняла компромиссное решение. Британцы настаивали на формате круглого стола и присутствии делегации СССР [Barnes 2014: 217], американцы считали, что о приглашении Советского Союза на этот форум должны позаботиться КНР и КНДР⁸. Итоговая формулировка содержала рекомендацию, «чтобы СССР принял участие в политической конференции по Корее», если того пожелает «другая сторона». Под другой стороной подразумевались правительства КНР и КНДР. Двусмысленность такой формулировки советскую делегацию не устраивала. Впрочем, ни одна из сторон, участвовавших в этих дебатах, не была удовлетворена достигнутым результатом, включая администрацию США, не желавшую вступать в какие бы то ни было переговоры с руководителями КНР, ссылаясь на нелегитимность её правительства и отсутствие дипломатических отношений с ним [Barnes 2014: 230].

Конечный вариант резолюции 711 ГА ООН от 28 августа 1953 г. рекомендовал «правительствам заинтересованных стран обеих сторон» созвать политическую конференцию «для урегулирования путём переговоров вопросов, касающихся вывода из Кореи всех иностранных вооружённых сил, мирного урегулирования корейского вопроса и т. д.». Оговаривалось, что конференция должна начать свою работу не позднее 28 октября 1953 г. в приемлемом для обеих сторон месте⁹. Обсуждение спорных вопросов на площадке Генеральной Ассамблеи показало, что американская делегация располагает достаточными ресурсами для того, чтобы без серьёзного обсуждения блокировать продвижение предложений и поправок, исходящих от СССР и ориентированных на него государств. В то же время вскрылись разногласия среди участников возглавляемой США коалиции.

2

В Вашингтоне осознавали, что на переговорах в Женеве делегации США и их союзникам придётся иметь дело с хорошо подготовленными и неуступчивыми оппонентами. В Москве, Пекине и Пхеньяне не делали секрета из того, что конечной целью конференции там считают такое объединение страны, которое создаст возможность для распространения власти коммунистов на весь полуостров. Для США и их союзников (за исключением правителей Южной

⁵ Комиссия нейтральных государств по репатриации военнопленных (Neutral Nations Repatriation Commission, NNRC) была создана в соответствии с предложением ГА ООН в составе представителей Индии, Швеции, Швейцарии, Польши и Чехословакии для урегулирования процедур обмена пленными в Корее в результате подписания перемирия 27 июля 1953 года. Memorandum of conversation between Sir Roger Makins and the Secretary. August 6, 1953 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4288. 795.00/7–3053.

⁶ Memorandum of conversation. Further Elaboration of French views re Post Korean Armistice Political Conference. July 31, 1953 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4288. 795.00/7–3153.

⁷ FRUS 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1503.

⁸ Telegram from Lodge to Secretary of State. August 12, 1953 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4289. 795.00/8–1253; Dulles to US UN. August 14, 1953 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4289. 795.00/8–1353.

⁹ Резолюции, принятые по докладу первого комитета. 711 (VII). Корейский вопрос. URL: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/711\(VII\)&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/711(VII)&Lang=R) (дата обращения: 07.12.2020).

Кореи), пришедших к выводу о бесперспективности продолжения боевых действий на полуострове ещё на стадии подготовки перемирия, это означало, что приоритет в решении корейской проблемы смещается в сторону политических решений, которые во многом зависели от настроения советских, северокорейских и китайских дипломатов.

Руководители социалистических государств приступили к обсуждению перспектив политической конференции ещё до подписания соглашения о перемирии. 17 июля постоянный представитель СССР в ООН А.Я. Вышинский и первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко подготовили для министра иностранных дел В.М. Молотова пакет предложений по корейскому вопросу. Конечной их целью было проведение общекорейских выборов под надзором международной комиссии, вывод иностранных войск, помощь ООН делу восстановления экономики страны. Предполагалось, что по вопросу о принципах урегулирования решение будет приниматься на консенсусной основе представителями двух Корей, КНР и стран-участниц Московского совещания министров иностранных дел 1945 года¹⁰. Допускалось приглашение на конференцию делегаций нейтральных стран [Волохова 2015].

КНДР и КНР в целом поддерживали идеи Кремля. Перед началом Женевской конференции в Москве прошли закрытые переговоры руководителей СССР и КНР, для участия в которых в столицу СССР прилетал премьер Госсовета и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай [Галенович 2018: 573–575]. Было согласовано, что желательный для китайцев формат

переговоров предполагает участие одиннадцати стран: США, Советского Союза, Великобритании, Франции, КНР, Индии, Польши, Бирмы, Швеции, КНДР и Республики Корея¹¹. Заседания предлагалось проводить за круглым столом, а решения принимать на основе согласия воюющих сторон. При этом если Ким Ирсен в первую очередь обращал внимание на решение вопроса мирного объединения Кореи, то в Пекине рассчитывали, что политическую конференцию можно будет использовать также для торга по проблемам Тайваня и передачи КНР права представлять Китай в ООН, включая статус постоянного члена Совета Безопасности¹². Участие в переговорах в статусе нелегитимного и неравноправного участника, на чём изначально настаивала американская сторона, в Пекине считали неприемлемым.

Предварительные переговоры по вопросам организации политической конференции в Женеве велись в Пханмунджоме¹³. В начале сентября в Госдепартаменте была создана специальная должность помощника госсекретаря по подготовке политической конференции, которую занял адвокат А. Дин¹⁴. Переговоры «стороны ООН», ведомой американскими дипломатами, с делегациями КНР и КНДР начались в соответствии с 711-й резолюцией 26 октября. Характерно, что американцы допустили южнокорейского представителя в состав своей делегации, но не предоставили ему право голоса или даже слова, тем самым дав понять, что намерены всецело контролировать переговорный процесс и исключить любые попытки Сеула дестабилизировать ситуацию¹⁵.

¹⁰ На совещании были приняты решения, определившие подходы стран-победительниц во Второй мировой войне к процессу послевоенного устройства Кореи в 1945–1947 годах. На нём присутствовали министры иностранных дел СССР, США и Великобритании.

¹¹ Изначально вместо Швеции и Польши рассматривались Швейцария и Чехословакия [см.: Волохова 2015].

¹² FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1496.

¹³ Communists Asked Again for Views on Time and Place of Conference // Department of State Bulletin. Vol. 29. № 744. P. 422; US Representative to Meet with Communists at Panmunjom // Department of State Bulletin. Vol. 29. № 748. P. 550–551.

¹⁴ Carl W. McCardle to the Secretary. September 12, 1953 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4289. 795.00/9–1253.

¹⁵ FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1541.

Встречи проходили в напряжённой атмосфере. Общение на переговорном пункте демаркационной линии в Пханмунджоме сильно отличалось от привычных форм дипломатической коммуникации – каждая делегация сидела на своей стороне границы, которую нельзя было пересечь без разрешения, и покидала здание через отдельный выход. Отсутствовали любые элементы неформального общения и обмена мнениями. Дин предполагал, что коммунисты умышленно демонстрировали твёрдость и стремление следовать протоколу времён переговоров о перемирии¹⁶, дабы показать американцам невозможность построения конструктивного взаимодействия в отсутствие представителей нейтральных стран. В итоге обмен мнениями сводился к выдвиганию взаимонепримлемых предложений. Договориться удалось лишь о повестке переговоров, а также о том, что итоговое соглашение должно иметь пакетный характер и включать все аспекты процедур и регламента политической конференции [Волохова 2015].

Общественное мнение стран Содружества наций¹⁷ с пессимизмом воспринимало ход переговоров в Пханмунджоме¹⁸. Приняв во внимание трудности диалога США с коммунистами, эти страны выдвинули предложение возобновить обсуждение корейской проблемы в ГА ООН, включая и

вопрос о созыве политической конференции¹⁹. Американцы в ответ заявили, что осуществление данной идеи лишь приведёт к новому столкновению малосовместимых позиций коммунистов, индийцев и командования ООН. В контексте вопроса о политической конференции американцы опасались, что компромиссные предложения, которые могут внести Менон или коммунисты, расколют коалицию государств, направивших свои войска на полуостров под эгидой Организации Объединённых Наций²⁰. Дальнейшее развитие событий показало, что основания для подобных опасений имелись.

З

Коммунисты сделали свой ход на Берлинском совещании министров иностранных дел (25 января – 18 февраля 1954 года), инициатором созыва которого выступила Москва. В первую очередь это мероприятие было посвящено проблемам германского урегулирования и коллективной безопасности в Европе. Британский историк Дж. Робертс рассматривает данную дипломатическую акцию СССР как часть начавшейся вскоре после смерти И.В. Сталина кампании в пользу завершения «холодной войны» [Робертс 2008: 35–75]²¹. Одной из её составляющих было советское предложение провести «совещание пяти держав

¹⁶ Возможно, предположение Дина не было лишено оснований. По мнению Ю. М. Галеновича, основанному на воспоминаниях Ши Чжэ (М.А. Карского), бывшего переводчиком при государственных руководителях КНР на многих переговорах этого периода, руководитель КНДР Ким Ирсен не проявлял готовности к продвижению переговоров о мире, предпочитая ограничиться перемирием, предположительно согласовывая свою позицию с лидером КНР Мао Цзэдуном [см.: Галенович 2018: 577].

¹⁷ Воинский контингент Великобритании и государств, входящих в состав Содружества наций, в коалиции ООН занимал обособленное положение. По ряду принципиальных вопросов Правительства Соединённого Королевства также занимало особую позицию. В частности, оно, в отличие от США, выступало против использования ядерного оружия и встало на путь дипломатического признания КНР [см.: Foot 1986: 43–44, 57].

¹⁸ Aldrich to Secretary of State. November 6, 1953 // U.S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4290. 795.00/11–653.

¹⁹ FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1734.

²⁰ Ibid. P. 1728–1729.

²¹ Смерть Сталина часто называют решающей причиной прекращения Корейской войны и начала переговоров о заключении мира [см.: Wells 2020: 231]. Более аргументированным, однако, представляется предположение, согласно которому решение о целесообразности прекращения войны «было принято Москвой и Пекином уже в 1952, а ... смерть Сталина только существенно ускорила процесс выхода из войны» [см.: Szalontai 2005: 39; Weathersby 1998: 108–109].

с участием Китайской Народной Республики по вопросу о мерах уменьшения напряжённости в международных отношениях», которое занялось бы вопросами разоружения, актуальными региональными проблемами и международной торговлей²².

На Западе резкая смена курса Москвы воспринималась с подозрением. Считалось, что СССР стремится подорвать единство США, Франции и Великобритании. Советские инициативы всерьёз не рассматривались, предлагалось исходить из того, что Москва по-прежнему предана делу мирового коммунизма [Быстрова 2007: 446; Ruane 1994: 155]. В начале декабря 1953 г. на совещании с главами правительств Великобритании и Франции, состоявшемся на Бермудских островах, президент Д. Эйзенхауэр в недипломатичных выражениях заявил о неизменности внешней политики Кремля и о намерении США «вышвырнуть СССР» с того места, которое он занял в мировой политике «на политические задворки». Солдатская прямота президента покорила европейцев, склонных пользоваться политическими эвфемизмами и «никогда раньше не слышавших подобных формулировок на дипломатических конференциях» [Graebner 2019: 2017].

Неловкость усугублялась тем, что свой антисоветский выпад Эйзенхауэр сделал в ответ на реплику У. Черчилля, предложившего придерживаться в отношении СССР двойственного подхода и, сжимая атомную бомбу в одной руке, другую всё же протянуть для рукопожатия. У присутствовавших этот эпизод оставил неприятный осадок; в памяти участников совещания живы были воспоминания о Второй мировой войне и той роли, которую сыграл Черчилль, будучи военным лидером Великобритании и членом «большой тройки». Тем не менее умудрённый опытом британский политик предпочёл «спустить ситуацию на тормозах»: он не стал полемизировать

со «старым боевым товарищем», в своё время командовавшим экспедиционными силами в Европе, а сейчас фактически возглавившим интернациональную коалицию в Корейской войне. Вместо этого в негибкой и воинственной позиции, занятой руководством США, Черчилль обвинил госсекретаря Д.Ф. Даллеса, дипломатические дарования которого оценивал крайне невысоко [Манчестер и др. 2016: 1096–1098]. Мнение главы британского кабинета в дальнейшем оставалось неизменным, и это обстоятельство наложило отпечаток на взаимоотношения между членами коалиции ООН на более поздних этапах переговоров.

Союзникам Вашингтона приходилось учитывать общественное мнение в своих странах, призывавшее правительства прекратить «холодную войну». В.О. Печатнов, А.С. Маныкин и Н.И. Егорова подчёркивают, что именно нажим европейских союзников на Вашингтон сыграл решающую роль в возникновении непродолжительной «оттепели» 1954–1955 годов [Печатнов и др. 2012: 352; Егорова 2016: 85–88]. За созыв совещания с целью «ослабления международной напряжённости» в ноябре 1953 г. высказывалось и «большинство американского народа» – 79% [Быстрова 2007: 447].

В преддверии переговоров в Берлине американцы старались твёрдо противостоять любым попыткам ползучего признания КНР великой державой²³. Бескомпромиссность США вызвала беспокойство министра иностранных дел Великобритании Э. Идена. 23 января 1954 г. он написал в своём дневнике об опасности даже небольших разногласий между союзниками. Вариант пятистороннего совещания он считал предпочтительнее возвращения корейского вопроса на рассмотрение ГА ООН²⁴. Министр иностранных дел Франции Ж. Бидо, со своей стороны, заявлял, что понимает аргументы против созыва

²² FRUS. 1952–1954. Vol. VII. Part 1. P. 842.

²³ McConaughy to Ogburn. January 19, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4292. 795.00/1–1954.

²⁴ *Eden A. Full Circle*. L.: Cassel, 1960. P. 62–63.

конференции такого рода, но настрой французского общественного мнения²⁵ не позволяет ему отмахнуться от «почётных переговоров» с коммунистическим Китаем. Французов тогда беспокоил и фактор времени: положение дел в Индокитае заставляло искать быстрые решения, а не ждать, пока завершатся корейские переговоры²⁶.

В итоге к началу Берлинского совещания позиция стран «свободного мира» так и не была полностью гармонизирована. США пришлось согласиться с созывом широкоформатной конференции для обсуждения связанных с Дальним Востоком международных проблем при условии, что КНР будет присутствовать на ней как региональный игрок, а не как одна из пяти великих держав²⁷. На заседании 27 января они отвергли советское предложение об организации пятисторонней конференции в предложенном СССР формате²⁸. Тем не менее Молотов не собирался сдаваться. Американцам он доказывал ненормальность текущего состояния их отношений с КНР, а французам демонстрировал готовность выступить в роли посредника между ними, с одной стороны, и китайскими и вьетнамскими коммунистами — с другой²⁹.

Лидеры США усматривали прямую связь между предложением советской стороны провести конференцию и тупиком Пханмунджомских переговоров³⁰, поэтому дипломатическое сплочение союзников они считали обязательным условием достижения приемлемых решений по всем вопросам предполагаемой повестки. Но Даллесу так и не удалось привести их к согла-

сованной позиции. В итоге он решил сменить тактику и сосредоточить усилия на организации политической конференции по Корею с участием пяти держав³¹. 30 января 1954 г. он сообщил союзникам план, согласно которому отвергалась возможность создания какого-либо пятистороннего органа для решения мировых проблем на постоянной основе. В то же время Корея, по его мнению, была подходящим поводом для переговоров с «китайскими коммунистами ... без официального дипломатического признания». Для этого четыре присутствовавших на Берлинском совещании министра иностранных дел должны были пригласить представителей КНР, КНДР, РК, а также иных принимавших участие в Корейской войне стран для обсуждения условий урегулирования. Впоследствии эта конференция могла заняться и индокитайским вопросом³².

Французы дополнили американский проект итоговой резолюции совещания положением о переходе к обсуждению индокитайской проблематики практически сразу после завершения корейской фазы конференции³³. 8 февраля проект резолюции был вынесен на обсуждение министров четырёх держав и ожидаемо отвергнут советской делегацией. Молотов категорически возражал против формулировки, фактически отказывавшей в признании КНР одной из великих держав. Он также не был согласен с предложенным составом приглашённых участников и протестовал против упоминания резолюции ГА ООН от 28 августа 1953 года, в своё время не поддержанной советской делегацией³⁴.

²⁵ В ноябре 1953 г. Национальное собрание Франции потребовало от правительства проработать любую доступную возможность индокитайского урегулирования. FRUS. 1952–1954. Vol. VII. Part 1. Wash.: GPO, 1984. P. 819.

²⁶ Ibid. P. 790–791.

²⁷ Ibid. P. 786.

²⁸ Ibid. P. 840–842, 844.

²⁹ Ibid. P. 833, 834, 882–884, 891–892.

³⁰ Dulles from Berlin to Secretary of State. January 31, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4292. 795.00/1–3154.

³¹ FRUS. 1952–1954. Vol. VII. Part 1. P. 847–848.

³² Ibid. P. 891–892.

³³ Ibid. P. 954, 964–965.

³⁴ Ibid. P. 996.

11 февраля советская сторона внесла собственный проект решения, принципиально отличавшийся от американского: конференцию по корейской и «другим неотложным проблемам, связанным с восстановлением мира в различных районах Азии», предлагалось организовать в пятистороннем формате с приглашением «заинтересованных стран»³⁵.

Министры западных государств в ответ предложили франко-британские компромиссные проекты резолюции, в которых были смягчены или вовсе исключены положения, вызывавшие возражения СССР при сохранении твёрдой позиции по вопросу о великих державах. Потенциальные страны-участницы конференции, включая государства полуострова, были перечислены в общем списке, причём КНР шла пятой по счёту, следом за СССР³⁶. 17 февраля Молотов заявил о согласии с первыми двумя параграфами документа, которые относились непосредственно к корейской проблеме, а на следующий день были устранены последние разногласия³⁷. Местом проведения конференции была определена Женева, её открытие было намечено на 26 апреля 1954 года³⁸.

В КНР с одобрением восприняли результаты Берлинского совещания. 2 марта 1954 г. на заседании секретариата ЦК КПК Чжоу Эньлай расценил их как великое достижение советской дипломатии, благода-

ря которому Женевская конференция должна стать первым важным международным мероприятием, в котором КНР примет участие в качестве равноправной стороны. Всё это отлично вписывалось в рамки продвигаемой властями КНР концепции мирного сосуществования [Shen Zhihua 2015: 141, 209]. Кроме того, и китайская и советская делегации использовали факт достигнутых согласований для того, чтобы в дальнейшем утверждать, что конференция в Женеве не связана с неприемлемыми для них резолюциями ГА ООН, поскольку её созыв стал возможен только после опубликования 18 марта коммюнике совещания министров иностранных дел Франции, Англии США и СССР в Берлине³⁹. Относительно программы корейского устройства Чжоу говорил о поддержке идеи мирного объединения страны, проведении свободных выборов, критикуя военные амбиции Ли и американо-южнокорейский договор о взаимной обороне, подписанный 1 октября 1953 года⁴⁰. 4 марта правительство КНР официально заявило о согласии на участие в конференции⁴¹.

Ли Сынмана о деталях переговоров в Берлине не информировали. Текст подписанного в Берлине соглашения он получил вечером 19 февраля. Посол США в Сеуле Э. Бриггс сообщал в Вашингтон, что после ознакомления с этим документом южнокорейский президент выглядел «скорее опе-

³⁵ FRUS. 1952–1954. Vol. VII. Part 1. P. 1193.

³⁶ Ibid. P. 1106.

³⁷ Ibid. P. 1147, 1163–1164.

³⁸ The Avalon Project: Indochina — Plans for the Geneva Conference on Korea and Indochina: Quadripartite Communique of the Berlin Conference, February 18, 1954 URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/inch018.asp (accessed: 07.12.2020).

³⁹ См., например: Еще раз о Корейском вопросе. Заявление В.М. Молотова на Женевском совещании министров иностранных дел, 11 мая 1954 года // РГИАИ. Ф. №5. Оп. 28. Материалы Международного совещания министров иностранных дел о восстановлении мира в Корее и Индо-Китае (апрель–июль 1954 г.). Т. I. Л. 160.

⁴⁰ Preliminary Opinions on the Assessment of and Preparation for the Geneva Conference, Prepared by the PRC Ministry of Foreign Affairs (drafted by PRC Premier and Foreign Minister Zhou Enlai) [Excerpt], March 02, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, PRC FMA 206-Y0054. Translated by Chen Zhihong. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/11963> (accessed: 07.12.2020); The Geneva Conference of 1954. New Evidence from the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // Cold War International History Project Bulletin, Issue 16. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/CWIHPBulletin16_p1_1.pdf P. 11–13. (accessed: 07.12.2020).

⁴¹ Советско-китайские отношения. 1952–1955. М.: Книгоград, 2015. С. 171–172.

по объединению и восстановлению Кореи, состоявшей из представителей Австралии, Нидерландов, Пакистана, Таиланда, Турции, Филиппин и Чили⁴⁴. Такой подход позволял обеспечить определённую легитимность предложениям Вашингтона, а также прямо поддержать позицию Республики Корея⁴⁵.

В основу американского плана был положен меморандум СНБ-154/1, утверждённый Эйзенхауэром 3 июля 1953 года⁴⁶. В СНБ оптимистично полагали, что коммунисты могут согласиться на предложенный сценарий, поскольку маленькая и ослабленная войной независимая Корея для них серьёзной угрозы не представляла. Гораздо более опасным для КНР, как и для СССР, могло показаться развёртывание на юге полуострова американских баз. Кроме того, согласие на урегулирование продемонстрировало бы на практике мирную природу внешней политики КНР, позволило бы ослабить экономические санкции и начать переговоры по тайваньской проблеме⁴⁷. Потеря «северокорейского сателлита», безусловно, стоила бы коммунистам престижа, но компенсировалась экономией средств, необходимых для восстановления Севера⁴⁸. Американцы старались избежать того, чтобы в глазах мирового общественного мнения их несговорчивость была воспринята столь же негативно, как и непримиримость коммунистов⁴⁹.

Фактически объединение страны должно было осуществиться путём присоеди-

нения КНДР к Югу под наблюдением вышеуказанной комиссии. США собирались вести переговоры с позиции силы, а предложенный подход был заведомо неприемлем для коммунистов, которые не поддержали ни одну из корейских резолюций ООН. Предлагавшаяся в качестве значительной уступки нейтрализация страны должна была стать, по сути, номинальной и воспринималась в Москве и Пекине как путь к созданию враждебного им государства [Волохова 2015]. Там были хорошо осведомлены о фанатичном антикоммунизме Ли Сынмана, исключавшем возможность бескровного объединения, осознавали потенциальную угрозу сохранения тесных связей США и единого корейского государства, не говоря уже о том, что при таком повороте событий транслируемый коммунистической пропагандой тезис о «победе лагеря мира» легко трансформировался в констатацию очевидного поражения⁵⁰.

В начале апреля был запущен процесс обсуждения идей СНБ и Госдепартамента с партнёрами США по коалиции ООН. Сеул, занятый выторговыванием уступок в обмен на участие в Женевской конференции, воздержался от участия в консультациях с Соединёнными Штатами. Вашингтон связывал это с желанием Ли Сынмана сохранить определённую свободу рук⁵¹.

Консультации с коллегами из Великобритании и Франции Даллес провёл лично, посетив Лондон и Париж в середине апреля 1954 года. В ходе переговоров госсекре-

⁴⁴ Резолюции, принятые по докладом первого комитета. 376 (V). Вопрос о независимости Кореи. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/376%28V%29> (дата обращения: 07.12.2020).

⁴⁵ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 68.

⁴⁶ FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1341–1343.

⁴⁷ Korean Political Conference. Analysis of bargaining strength of both sides // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/3–354.

⁴⁸ К примеру, 3 августа 1953 ЦК КПСС выделил один миллиард рублей на восстановление КНДР. См.: «Protocol No. 22 of a Meeting of the Special Committee Under the Council of Ministers of the USSR», August 03, 1953, History and Public Policy Program Digital Archive, Archives of the President of the Russian Federation. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112931> (дата обращения: 07.12.2020).

⁴⁹ Ogburn to Robertson. March 2, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/3–254.

⁵⁰ FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. P. 1345.

⁵¹ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 93.

тарь подчёркивал твёрдость американской позиции по корейскому вопросу и призвал хотя бы на старте поддержать план США и предложения Республики Корея, полагая таким образом обеспечить пространство для торга с коммунистами.

Вплоть до открытия Женевской конференции Франция так и не сформулировала чёткой позиции по корейскому вопросу, но Вашингтон рассчитывал на её поддержку в обмен на помощь США по проблеме Индокитая⁵². С критикой планов Соединённых Штатов выступили представители Великобритании и Содружества наций. Они резко возражали против использования американского плана даже в качестве тактической меры и не поддержали идею распространения власти Юга на Север. Предпочтительнее для Содружества было создание единого корейского государства на основе нового учредительного акта⁵³. На случай провала переговоров об объединении Великобритания предлагала достичь хотя бы промежуточных соглашений с коммунистами, которые бы уменьшили международную напряжённость, смягчили последствия тупика и продемонстрировали определённый прогресс в решении проблемы⁵⁴. Партнёры США по корейской войне не горели желанием продолжать платить высокую цену за объединение этой дальневосточной страны на условиях Юга [Lee 1995: 253]⁵⁵.

Базу для потенциального компромисса предложил посол США в Чехословакии У.А. Джонсон, ранее работавший в дальневосточном отделе Госдепартамента и координировавший работу делегации США на Женевской конференции. Он предложил провести одновременные выборы на Севе-

ре и Юге в Национальное собрание Республики Корея на основе южнокорейских законов; процесс мог быть дополнен параллельными выборами общекорейского президента. Этот подход не подрывал государственных основ Юга, мог устроить Ли Сынмана и снискать достаточную международную поддержку⁵⁶.

Эту идею поддержал Даллес. В итоге к началу Женевской конференции американцы подходили сразу с тремя планами урегулирования. Первый («План А») был основан на позиции Ли Сынмана и подразумевал присоединение Севера к Югу. Второй, компромиссный («План В»), был основан на предложении Джонсона. «План С», наиболее приемлемый для стран Содружества наций, заключался в проведении всеобщих выборов в Учредительное собрание и создании нового корейского государства. Все три плана предусматривали постепенный вывод иностранных войск с территории полуострова, однако в первых двух случаях он должен был начаться (но не завершиться) ещё до проведения выборов. Для Ли этого было недостаточно. В инструкциях для южнокорейской делегации в Женеве говорилось, что полный вывод китайских коммунистов из Кореи – требование принципиальное, а потому необходимо добиться обещания американцев не идти на урегулирование до этого⁵⁷. Идти навстречу этим пожеланиям в Вашингтоне были не готовы⁵⁸.

Важным отличием «Плана С» от первых двух было то, что он должен был осуществляться под надзором новой, специально созданной комиссии, а не уже существовавшей Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи. Тактика делегации

⁵² FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 93.

⁵³ Ibid. P. 81, 93–94.

⁵⁴ MacArthur to the Secretary. March 31, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/3–3154.

⁵⁵ О позиции премьер-министра Великобритании У. Черчилля см., например: The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953–1955. Chapel Hill; L.: UNC Press, 1990. P. 41–42, 59. О разногласиях в рядах «коалиции неравных» см. [Pembroke 2018: 140–141].

⁵⁶ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 94.

⁵⁷ Ibid. P. 146.

⁵⁸ Ibid. P. 116.

США в Женеве должна была свестись к тому, чтобы дождаться первых ходов коммунистов, а затем выложить на стол «План А». После того, как предложение коммунистов и американский план окажутся взаимонеприемлемыми, американцы готовились предложить «План В» в качестве компромиссного. «План С» считался резервным и предназначался на случай, если коммунисты продемонстрируют реальное стремление достигнуть компромисса по корейской проблеме⁵⁹.

Б

Согласование позиций СССР и КНР происходило в первой половине весны 1954 года. 6 марта министр иностранных дел СССР Первый заместитель председателя Совета Министров В.М. Молотов беседу с китайским послом в Москве Чжан Вэньтяном начал с вопроса о том, имеет ли смысл выдвижение предложения о создании единого временного правительства для всей Кореи на базе равноправного представительства Севера и Юга. При этом Молотов сослался на имевшуюся у него информацию о том, что Ким Ирсен не будет приветствовать проведение всеобщих свободных выборов⁶⁰.

В результате Москва и Пекин согласились, что в первые дни конференции делегации КНДР следует предложить план мирного объединения страны. Первым шагом должен был стать вывод с полуострова всех иностранных войск в течение шести месяцев. За это время необходимо было созвать специальную комиссию из

представителей Севера и Юга, которая занялась бы разработкой избирательного закона, обеспечением свободы проведения плебисцита, налаживанием связей между КНДР и Республикой Корея. Все принимавшие участие в конфликте страны должны были оказать помощь в этом деле⁶¹.

Требование разработать новый избирательный закон было принципиально важным, поскольку существовавшая в Республике Корея мажоритарная система фактически гарантировала доминирование сторонников правых сил на любых южнокорейских выборах. С учётом соотношения численности населения Севера и Юга такая победа делала предсказуемым общекорейский результат. Итоговая советская программа-максимум, поддержанная руководством КНР, включала достижение договорённостей о проведении всеобщих выборов и объединении Кореи, а «план Б» предусматривал консервирование сложившейся ситуации, поэтапный вывод иностранных войск и развитие связей между двумя Кореями⁶².

В американском анализе потенциальных задач коммунистов в Женеве, подготовленном сотрудником Госдепартамента У. Стесселем-мл.⁶³, цели делегаций стран социалистического лагеря резюмировались следующим образом:

- 1) закрепить за КНР статус великой державы;
- 2) добиться вывода иностранных войск из Кореи;
- 3) закрепить *status quo* на полуострове;
- 4) внести раздор в ряды союзников США;

⁵⁹ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 131–139.

⁶⁰ Telegram, PRC Ambassador to the Soviet Union and Vice Foreign Minister Zhang Wentian to the PRC Foreign Ministry, Zhou Enlai and the CCP Central Committee, "Reporting the Preliminary Opinions of Our Side on the Geneva Conference to the Soviet Side," 6 March 1954 // Cold War International History Project Bulletin. 2008. Issue 16. P. 13.

⁶¹ "The Restoration of the National Unity of Korea and the Holding of National Elections," 1954, History and Public Policy Program Digital Archive. AVPRF. F. 06. Op. 13, D. 5. Papka 69. P. 13–20. Translated for NKIDP by Gary Goldberg. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114942> (accessed 07.12.2020); FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 150; The Korean Problem at Geneva Conference. April 26 – June 15, 1954. Wash.: GPO, 1954. P. 39–40.

⁶² From the Journal of [Soviet Foreign Minister Vyacheslav M.] Molotov: Secret Memorandum of Conversation between Molotov and PRC Ambassador [to the Soviet Union] Zhang Wentian, 6 March 1954 // Cold War International History Project Bulletin. 2008. Issue 16. P. 86.

⁶³ Посол США в СССР в 1974–1976 годах.

5) максимально использовать Женеву как площадку для пропаганды⁶⁴.

Формулировка третьего пункта свидетельствует о том, что американская сторона упрощённо понимала суть советской стратегии: согласованный Москвой с руководством КНР и КНДР план изначально был нацелен не на закрепление довоенного *status quo*, а на объединение страны. Он предполагал возможность сохранения контроля над Корейским полуостровом, по этой причине такое важное место в нём отводилось мероприятиям переходного периода. Речь шла о создании условий для объединения Кореи и установлении в ней социализма. Сохранение довоенной ситуации, включая линию государственной границы между Северной и Южной Кореей по 38-й параллели, допускалось, но лишь в качестве программы-минимум.

Ни СССР, ни Китай не собирались оставлять без поддержки северокорейский режим и его лидера Ким Ирсена. В Москве, как и в Пекине, осознавали важность укрепления системы социализма. В результате в верхнюю часть списка приоритетов было включено укрепление единства компартий и социалистических государств, и, судя по всему, к решению этой задачи обе стороны отнеслись ответственно. «По важным международным проблемам китайские и советские лидеры тщательно консультировались друг с другом, чтобы соотнести свои стратегии и политические устремления. ... До конференции Чжоу Эньлай дважды посетил Москву, чтобы принять участие в серии совещаний с советскими лидерами, результатом которых стала хорошо скоординированная советско-китайская стратегия по корейскому и индокитайскому вопросам» [Chen Jian и др. 1998: 258], — отмечают современные исследователи. Наблюдавший за этими событиями с близкого расстояния Ши Чжэ подтверждает этот вывод [Галенович 2018: 575–581]. Накануне Женевской конференции и на всём протяжении её работы контакты между делегациями СССР и КНР вызвали при-

стальный интерес европейских и американских наблюдателей, тщетно пытавшихся уловить в них признаки несогласованности или неравноправия. Дипломаты и разведчики США не смогли обнаружить «никаких надёжных свидетельств» тому, что ситуация в Корее выступает «существенным источником охлаждения в отношениях между этими государствами» [Kim Heesu 1996: 145].

6

К обсуждению корейской проблемы участники Женевской конференции приступили 27 апреля 1954 года. Американцы сразу попытались перевести обсуждение корейского вопроса из режима выступления всех желающих с пространными речами в формализованное русло. Для начала Иден, Даллес и Бидо договорились о том, что вступительные речи получат возможность произнести только те, кто заявил о желании сделать это до полудня 29 апреля. Вторым шагом должно было стать проведение консультаций между США, КНР, СССР, Великобританией, Францией и обеими Кореями. Характерно, что, озвучивая это предложение, Даллес использовал не применявшееся в официальной американской риторике словосочетание «пять держав». Тем не менее с самого начала конференции американцы пытались всячески принизить значение КНР как участника переговоров, что отражалось и на требованиях к рассадке членов делегаций, и в демонстративном отказе Даллеса пожать Чжоу Эньлаю руку [Miyoshi Jager 2013: 304].

В качестве платформы для переговоров с коммунистами Даллес предложил нейтрализацию и демилитаризацию Севера в обмен на вывод с территории полуострова войск США и отказ от размещения в Корее американских баз. Иден эту мысль не поддержал, предложив предварительно проконсультироваться с остальными членами коалиции. Бидо дал понять, что он крайне заинтересован в скорейшем достижении прогресса в переговорах, дабы полу-

⁶⁴ Soviet Objectives at the Korean Political Conference // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/3–1054.

чить возможность перейти к обсуждению проблемы Индокитая⁶⁵. Южнокорейская делегация в принципе согласилась с идеей американцев⁶⁶.

2 мая 1954 г. состоялась закрытая неформальная встреча министров иностранных дел пяти держав и обеих Корей. Дискуссия развернулась вокруг вопроса об общекокорейских выборах. Молотов и Чжоу Эньлай отвергли возможность проведения выборов под надзором ООН под тем предлогом, что данная международная организация выступает участником конфликта. В свою очередь, американцев и южнокорейцев не устраивала идея равного представительства Севера и Юга в предложенной коммунистами комиссии по проведению выборов⁶⁷.

По итогам встречи Даллес заключил, что он не увидел ни единой «трещины» в «монолитной» позиции оппонентов, так же как и желания коммунистов как-либо её изменять⁶⁸. В условиях очевидной несостоятельности изначально казавшихся наиболее перспективными форматов переговоров усилия американцев сосредоточились на формировании благоприятного для них общественного мнения. На старте конференции коммунисты в этом отношении выглядели предпочтительнее: их предложения

казались более сбалансированными, чем защищаемая США южнокорейская позиция. В публичных заявлениях Эйзенхауэр и Даллес характеризовали предложенный коммунистами план объединения Кореи как «китайскую копию» советского плана объединения Германии и указывали на неприемлемость равноправия Севера и Юга в процессе выборов в связи с большей численностью населения Республики Корея⁶⁹. Эту позицию продвигали на заседаниях в Женеве союзники США⁷⁰. В Сенате США тем временем звучали выступления о недопустимости компромиссов с «коммунистическими империалистами» — «мастерами сатанинских интриг и инфильтрации». Отказ СССР и КНР поставить выборы под контроль ООН характеризовался как «пренебрежение всеми моральными законами»⁷¹.

Параллельно с этим процессом шло согласование позиций членов коалиции ООН по американскому «Плану В»⁷². В короткие сроки представители делегации США провели серию встреч с союзниками и добились того, чтобы в защиту позиции Республики Корея на очередном пленарном заседании высказались представители Канады, Нидерландов и Эфиопии. Особенно отличился канадец Л. Пирсон, сравнивший

⁶⁵ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 152.

⁶⁶ Ibid. P. 174. В развёрнутом виде эта позиция была изложена в «Заявлении Бьон Йон Тэ, министра иностранных дел Корейской Республики 27 апреля 1954 года» // РГИА. Ф. №5. Оп. 28. Т. I. Док. № 1. Л. 4–5.

⁶⁷ План, внесённый на рассмотрение конференции делегацией КНДР, предусматривал проведение общекокорейских выборов в Национальное собрание и создание правительства объединённой Кореи, формирование для подготовки к выборам общекокорейской комиссии из представителей Северной и Южной Кореи, подготовку общекокорейского избирательного закона, вывод всех иностранных вооружённых сил с территории полуострова в шестимесячный срок. См.: Телеграмма Вл. Кузнецова от 27 апреля 1954 г. в МИД СССР «О восстановлении национального единства и проведении свободных общекокорейских выборов» // РГИА. Ф. №5. Оп. 28. Т. I. Л. 18–19; FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 176; Union of Soviet Socialist Republics, the Ukrainian Soviet Socialist Republic, the Byelorussian Soviet Socialist Republic, Poland and Czechoslovakia: joint draft resolution. 1950. 02 Oct. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1478294> (accessed: 07.12.2020).

⁶⁸ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 177.

⁶⁹ Congressional Record. Proceedings and Debates of the 83d Congress. Second Session. Vol. 100. Part 5. Wash.: GPO, 1954. P. 6233.

⁷⁰ Заявление Идена, главы делегации Великобритании 13 мая 1954 года // РГИА. Ф. №5. Оп. 28. Т. II. Л. 62.

⁷¹ Congressional Record. Proceedings and Debates of the 83d Congress. Second Session. Vol. 100. Part 5. Wash.: GPO, 1954. P. 6577.

⁷² FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 161–162; *Kenneth T. Young to Johnson and Robertson. Presentation of Draft Proposal on Korea. May 5, 1954* // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/5–554.

обвинения США в агрессии с пропагандистскими выпадами СССР и нацистской Германии в адрес Польши в сентябре 1939 г. и заявивший, что северокорейский план объединения не дает «никакой надежды на создание свободной, объединённой, демократической Кореи»⁷³.

Основная работа по согласованию предложений государств «свободного мира» проводилась в рамках американо-южнокорейских переговоров, в процессе которых подтвердились прогнозы экспертов США, предупреждавших, что южнокорейская делегация будет препятствовать попыткам договориться об объединении, нарушающем суверенитет РК или ведущем к нейтрализации страны. Для оперативной связи с Ли Сынманом и своевременного решения возникающих разногласий Даллес направил в Сеул в качестве своего личного эмиссара А. Дина⁷⁴.

Как отмечает Г. Брандс, во время конференции Ли Сынман использовал обычную для него тактику – «он угрожал, он бушевал, он оскорблял, он плакал, он выдвигал неисполнимо высокие требования» [Brands 1987: 75]. Из-за сложностей, которые создавал корейский лидер, американцы все-речь опасались, что на определённом этапе одна из делегаций выдвинет соответствующее «Плану В» предложение провести общекорейские выборы под надзором ООН с одновременным поэтапным выводом иностранных войск. Такой поворот событий вполне мог получить поддержку общественного мнения в США и в мире, подрывая позиции Вашингтона, официально продолжавшего поддерживать «План А»⁷⁵.

Международная ситуация не способствовала сговорчивости Ли Сынмана. 7 мая 1954 г. французские войска капитулировали под Дьенбьенфу. Это событие шокировало Ли⁷⁶, но укрепило его уверенность в своей значимости для США и побудило к выдвижению новых условий, в частности требования о капитуляции Корейской народной армии [Brands 1987: 79].

В начале мая стало ясно, что делегация США не в состоянии вынести на обсуждение согласованную с южнокорейскими властями программу. В стане их союзников также царил разногласия. В таких условиях американцы решили сосредоточиться на критике предложений коммунистов. Сам по себе озвученный министром иностранных дел КНДР Нам Иром план урегулирования был неудобной мишенью. Тем не менее ни в Западной Европе, ни на Юге Кореи не встретила понимание яростная критика, которую коммунисты обрушили на ООН и ту роль, которую она играла в корейском вопросе. В итоге защита Организации Объединённых Наций стала оборонительной платформой американцев.

Последние три недели конференции делегация США провела, сужая круг обсуждаемых вопросов до проблемы полномочий ООН. Такая тактика ставила Вашингтон в уязвимое положение. Стремившийся к достижению реального компромисса Иден приложил немало усилий для того, чтобы уговорить северокорейцев формально согласиться на признание миротворческой роли ООН, продвигая идеи, заложенные в основе американского «Плана С»⁷⁷.

⁷³ Заявление г-на Пирсона, министра иностранных дел Канады, 4 мая 1954 года // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. I. Док. № 17. Л. 108, 111; FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 196–200.

⁷⁴ Ibid. P. 115–117.

⁷⁵ Ibid. P. 222.

⁷⁶ Drumright to the Secretary. Discussion with President Rhee. July 23, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4294. 795.007–2354.

⁷⁷ В частности, 13 мая на очередном заседании Иден предложил пять принципов решения корейского вопроса, упомянув о целесообразности чёткого определения условий вывода войск ООН с Юга и включения в состав комиссии ООН по наблюдению за выборами представителей взаимоприемлемых и невоеввавших государств. См.: Заявление Идена, главы делегации Великобритании, 13 мая 1954 года // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. II. Л. 63–64.

FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 264.

Чжоу Эньлай, сообщая в китайский МИД о ходе переговоров, отмечал, что предложения Идена производили двусмысленное впечатление, и, хотя было очевидно, что он пытается заключить сделку, в его предложениях всё же просматривалась возможность встречных уступок⁷⁸. На определённом этапе американцам начало казаться, что британцу удастся склонить оппонентов к компромиссу: уступка со стороны коммунистов немедленно поставила бы США в сложное положение. Тем не менее требования КНДР, КНР и СССР в отношении ООН остались непоколебимыми: войска коалиции должны покинуть территорию за полгода до выборов, а сами выборы на Севере должны проходить под наблюдением «приемлемой» комиссии, а не комиссии ООН⁷⁹.

В отличие от США, уже всерьёз раздумывавших о завершении корейской фазы Женевской конференции⁸⁰, коммунисты не оставляли попыток добиться компромисса. 15 мая состоялись консультации глав делегаций СССР, КНР и КНДР, участники которых пришли к выводу о высокой вероятности тупика в переговорах в случае, если американцы продолжат настаивать на выводе иностранных войск не до, а после общекорейских выборов и

проведении последних под наблюдением ООН. Компромиссным решением, с точки зрения коммунистов, мог стать надзор за выборами со стороны нейтральных стран⁸¹. Также принципиально важным было условие предварительной разработки нового избирательного закона межкорейской комиссией, которая состояла бы из равного числа представителей Севера и Юга⁸².

Эти предложения были представлены на очередном пленарном заседании 22 мая 1954 года, однако практически сразу потонули в потоке критики со стороны министра иностранных дел Республики Корея Пён Ёнтхэ⁸³, который заявил, что представленный план всего лишь поможет коммунистам инфилтрироваться на Юг и захватить там власть⁸⁴. Делегация Южной Кореи в тот же день представила свой план объединения из четырнадцати пунктов, большинство которых было абсолютно неприемлемо для северян. Этот документ был представлен в демонстративно бескомпромиссном стиле, а американская делегация безоговорочно его поддержала⁸⁵.

В конце мая 1954 г. инициатором компромисса выступил министр иностранных дел Таиланда принц Ван Вайтайакон. Его

⁷⁸ Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Regarding the Situation at the Tenth Plenary Session, 14 May 1954 // Cold War International History Project Bulletin. 2008. Issue 16. P. 19.

⁷⁹ На заседании 22 мая об этом бескомпромиссно заявили Чжао Эньлай и Нам ИР. См.: РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. II. Л. 134–135, 143, 145; FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 262.

⁸⁰ Ibid. P. 314.

⁸¹ Наблюдательные функции могла взять на себя уже существовавшая Наблюдательная комиссия нейтральных стран.

⁸² Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Requesting Instructions on the Korean Issue and Regarding the Situation at the Fourth Plenary Session on the Indochina Issue, May 15, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, PRC FMA 206-Y0049. Translated by Gao Bei. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110623> (accessed: 07.12.2020); Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Requesting Instructions on the Korean Issue and Regarding the Situation at the Fourth Plenary Session on the Indochina Issue, 15 May 1954 // Cold War International History Project Bulletin. 2008. Issue 16. P. 23.

⁸³ В тот момент – министр иностранных дел, с июня по ноябрь 1954 г. премьер-министр Республики Корея.

⁸⁴ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 313.

⁸⁵ Ключевые положения этого плана предполагали проведение общекорейских выборов в соответствии с южнокорейским законодательством, с соблюдением принципа пропорционального представительства, под наблюдением ООН. Вывод контингента ООН до завершения этого процесса не предполагался. «Предложение Корейской Республики об объединении Кореи 22 мая 1954 года; Выступление генерала Уолтера Беддела Смита, заместителя государственного секретаря Соединённых Штатов Америки 28 мая 1954 года» // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. III. Л. 2–4, 67–74.

идея заключалась в создании специально-го органа в составе представителей заинтересованных стран (вероятнее всего, СССР, США, Франции, Великобритании, КНР, КНДР и Республики Корея) для того, чтобы продолжить переговоры «в случае наличия благоприятных обстоятельств»⁸⁶. Между тем Соединённые Штаты к тому времени уже утвердились во мнении, что достичь согласия с коммунистами не удастся⁸⁷. У.Б. Смит, возглавлявший на этом этапе делегацию США, сообщил 22 мая в Вашингтон, что прекращение переговоров по Корее можно будет представить как свидетельство неспособности противоположной стороны. Он также отмечал, что такой поворот обрадует власти Юга и создаст более благоприятные для США условия на предстоящих переговорах по Индокитаю⁸⁸. Предложение принца Вана не вписывалось в эту линию. Американцы опасались, что согласие на данный формат вызовет недовольство Ли Сыньмана, будет способствовать легитимизации роли КНР как одной из пяти великих держав и снижению престижа ООН, а потому выступали против «второй фазы» корейских переговоров в любой форме⁸⁹.

4 июня на совещании членов коалиции ООН американцы предложили организовать с коммунистами встречу в закрытом режиме и в ультимативной форме поставить перед ними вопрос, согласны ли они на объединение Кореи после проведения выборов, свобода которых будет обеспечиваться контролем и наблюдением ООН. В случае отказа или «ложного согласия» следующее за закрытой встре-

чей пленарное заседание должно было стать последним в корейской части Женевской конференции. Иден, заручившись поддержкой делегатов Содружества наций, предложил сделать ключевым элементом ультиматума согласие коммунистов на проведение свободных выборов, но делегаты Филиппин, Нидерландов, Турции, Бельгии, Греции и Республики Корея поддержали американскую позицию, и положение о решающей роли ООН в потенциальном процессе урегулирования устояло⁹⁰.

Показательно, что узнавшие об этой дискуссии делегаты СССР, КНР и КНДР приняли её как знак того, что некоторые союзники США пытаются противостоять запланированному американцами и южнокорейцами срыву женевских переговоров, а потому было решено продолжать работу по выдвиганию компромиссных предложений⁹¹. В этой связи попытка договориться об общих принципах урегулирования была всё-таки предпринята, причём по инициативе коммунистов. Делегации социалистических стран приняли решение придать более общий характер своему изначальному предложению, а все спорные моменты рассмотреть позднее. Чжоу Эньлай сообщил в Пекин, что цель трёх делегаций – дать коалиции ООН как можно меньше поводов отвергнуть новое предложение. В случае получения очередного отрицательного ответа предлагалось считать, что США и их союзники уже не собираются договариваться о чём бы то ни было⁹². 5 июня новое предложение коммунистов, выдержанное в компромиссном ключе и констатировавшее наметившееся

⁸⁶ Выступление министра иностранных дел Таиланда принца Ван Вайтаякона // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. III. Л. 62–64; FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 315.

⁸⁷ Ibid. P. 300.

⁸⁸ Ibid. P. 314–315.

⁸⁹ Ibid. P. 327.

⁹⁰ Ibid. P. 342–344.

⁹¹ Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Regarding the Situation at the Fourteenth Plenary Session, June 13, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, PRC FMA 206-Y050. Translated by Gao Bei. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111496> (accessed: 07.12.2020).

⁹² Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Regarding the Situation at the Ninth Restricted Session, 1 June 1954 // Cold War International History Project Bulletin. 2008. Issue 16. P. 30.

сближение позиций по ряду вопросов, было представлено Молотовым на тринадцатой пленарной сессии⁹³.

Даллес со скепсисом воспринял эту новость, сообщив в Женеву, что предложение Молотова позволяет решить лишь один спорный вопрос из множества накопившихся. Особое недовольство госсекретаря вызвало продолжившееся игнорирование коммунистами роли ООН — в советском предложении говорилось о проведении выборов под наблюдением «приемлемой международной комиссии»⁹⁴. Учитывая сложности в формулировании единой позиции членов коалиции ООН, а также постоянные угрозы Ли Сынмана отправить южнокорейскую делегацию домой, Даллес предложил прекратить «играть в опасную игру Молотова»⁹⁵.

Опасения американцев укрепились после того, как Смит провёл с Молотовым неформальную беседу и выяснил, что под «приемлемой международной комиссией» тот понимает орган, наполовину составленный из коммунистов. Американцам удалось добиться поддержки союзников, которые признали, что предложение СССР выглядит привлекательным, но не решает фундаментальных вопросов и может лишь запутать мировое общественное мнение. Необходимости в закрытой встрече союзники США уже не видели⁹⁶. После этого участникам конференции оставалось лишь определиться с тактикой прекращения переговоров⁹⁷.

Последнее заседание корейской фазы Женевской конференции состоялось 15 июня 1954 года. Американцы и их союзники до конца саботировали попытки коммунистов договориться об общих принципах корейского урегулирования или хотя

бы выпустить совместное заявление о намерении продолжать работу по восстановлению единства Кореи⁹⁸.

* * *

В историографии распространено мнение, что безрезультатность корейской фазы Женевской конференции связана с возобладанием тенденций «холодной войны», несовместимостью позиций коммунистов и стран «свободного мира», а также неготовностью обеих сторон идти на компромисс. Отечественные исследователи, как правило, обращают внимание на большую договороспособность делегаций коммунистических стран. В.И. Батюк акцентирует «безупречность» действий советских дипломатов, «сумевших вывести из изоляции своего союзника, коммунистический Китай» и успешно противостоять американским планам урегулирования, пользуясь для этого «языком классической дипломатии» [Батюк 2018: 63].

Тем не менее политическая конференция, созванная ради завершения войны и воссоединения страны, окончилась безрезультатно. Мир не был подписан, а Корея остаётся разделённой до сегодняшнего дня. По сути, корейская проблема стала предлогом для того, чтобы собрать за столом переговоров министров иностранных дел воевавших держав, констатировать сложившийся *status quo* на Корейском полуострове и сместить фокус внимания на Индокитай. Хотя итоговый документ Женевской конференции носил компромиссный характер, неуступчивость американской стороны заставила советскую делегацию существенно отклониться от первоначально занятой позиции, причём содержание итогового документа

⁹³ Заявление министра иностранных дел СССР В.М. Молотова 5 июня 1954 года // РГАНИ. Ф. №5. Оп. 28. Т. III. Л. 133–142, 143–144; FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 351–352.

⁹⁴ Ibid. P. 351.

⁹⁵ Ibid. P. 356.

⁹⁶ Ibid. P. 357–358.

⁹⁷ Memorandum for Under Secretary Smith. Termination of Korean Phase. June 1, 1954 // U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/6–154.

⁹⁸ FRUS. 1952–1954. Vol. XVI. P. 381.

было близко положениям 711-й резолюции ГА ООН⁹⁹.

Южнокорейский историк Ю Бёнён отмечает, что «провал политической конференции по объединению Кореи был ожидаем. Ни одна из великих держав не была готова заплатить слишком высокую цену за объединение Кореи. Все стороны, представленные в Женеве, были заинтересованы в сохранении status quo» [цит. по: Торкунов и др. 2008: 185. См. также: Урнов 2012: 66; Yong-Pyo Hong 2000: 71]. Так ли это было на самом деле? Что помешало подписанию мирного договора?

О.А. Вестад резонно отмечает, что, по крайней мере, две из участвовавших в женевских заседаниях делегации — КНДР и Республика Корея — не считали такой исход благом. Лидеры этих государств Ким Ирсен и Ли Сынман в своё время возражали против заключения перемирия; они настаивали на «освобождении всей страны» [Westad 2019: 180] и желали видеть Корею единым государством с собой во главе. Другой современный исследователь напоминает, что Китай традиционно воспринимал Корею как часть китаецентричного мира [Pardo 2020: 19], и поэтому в Пекине итоги Женевской конференции также не были восприняты как успех, тем более что китайские добровольцы, разделив с Северной Кореей тяготы войны, понесли тяжелейшие потери, а на Женевской конференции представители китайской делегации столкнулись с откровенно пренебрежительным отношением дипломатов США.

Хотя за столом переговоров в Женеве в конце апреля 1954 г. собрались представители девятнадцати государств, переговорный процесс носил двусторонний характер. Сторонами в нём были коалиции. Для США это обстоятельство стало серьезным вызовом из-за сложной структуры возглавляемой ими коалиции.

Функционирование военно-политических союзов «предполагает сочетание элементов кооперации и конкуренции»

[Истомин 2017б: 7], соотношение которых с течением времени может меняться. Особенно зримо эти свойства проявляются в периоды перехода от войны к миру, когда под влиянием взаимодействия участников событий «конструируются образы и дефиниции происходящего», способные непосредственно влиять на институционализацию результатов военных действий и политических процессов [Vasquez 2009: 191]. Одним из таких результатов был Договор о взаимной обороне между США и Южной Кореей, в октябре 1953 г. оформивший в рамках коалиции ООН двусторонний «стереотипный асимметричный союз» [Истомин 2017а: 101], созданный для того, чтобы в будущем Вашингтон смог использовать его в качестве «инструмента управления и контроля» [Kim 2011: 360, 362]. При помощи этого альянса администрация Эйзенхауэра определила место Южной Кореи в собственной оборонной стратегии. С точки зрения интересов США в этом регионе переговоры в Женеве мало что могли добавить к этому результату.

«Особые» отношения Вашингтона и Сеула накануне и во время Женевской конференции создавали отдельную интригу внутри коалиции ООН. Большинство её членов были заинтересованы в скорейшем завершении конфликта и устранении условий для его эскалации. Угроза возникновения новой мировой войны, на этот раз уже с применением атомного оружия, считалась реальной. Её источником считали не только наступление коммунизма, но и воинственность южнокорейского руководства. Положение патрона в американо-южнокорейском тандеме позволяло Соединённым Штатам сдерживать авантюризм Ли Сынмана. Вместе с тем главной проблемой для них был рост авторитета и международного влияния коммунистических государств. Серьёзным раздражающим фактором стало появление КНР. Укрепление единства коалиции для США стало важным приоритетом. Таким образом,

⁹⁹ FRUS. 1952–1954. Vol. VII. Part 1. P. 1225.

коалиция ООН во время подготовки и работы Женевской конференции функционировала в режиме «двойного сдерживания», ограничивая конфронтационность как противников (СССР, КНР, КНДР), так и самих союзников (РК) (об альянсах «двойного сдерживания» см.: [Истомин 2017а: 98]).

Ключевое значение для понимания результатов Женевской конференции имеет учёт характера Корейской войны. Она началась как гражданская война и практически сразу была интернационализирована. Современный исследователь Дональд Стоукер относит войну в Корее к категории ограниченных войн. Главным отличием «ограниченной» войны от «неограниченной» он считает политические цели, которые ставят перед собой воюющие стороны. Неограниченной война становится в том случае, если она ведётся ради смены существующего режима [Stoker 2019: 65].

Взгляд на историю Корейской войны сквозь призму такой типологии позволяет объяснить некоторые нюансы переговорной тактики США. Вступая в войну в июне 1950 года, администрация Трумэна не ставила перед собой цель завоевание Северной Кореи; речь шла о том, чтобы защитить Южную Корею и спасти режим Ли Сынмана. Хотя в течение войны стратегия Вашингтона менялась, к моменту подписания перемирия в июле 1953 г. целью войны было восстановление границы по 38-й параллели. Постановка более амбициозной задачи в тот момент неизбежно влекла за собой опасность переноса боевых действий за пределы Корейского полуострова, возможное применение ядерного оружия и иные последствия, которые делали будущее непредсказуемым, а победу в войне маловероятной.

Среди возможных нежелательных для США последствий особое место занимали опасность распада коалиции ООН и обострение противоречий между составивши-

ми её костяк государствами Запада. К моменту начала войны в Корее возраст НАТО едва превысил один год, и рисковать целостностью альянса Вашингтон не желал [см.: Risse-Kappen 2005: 44–56]. По этой причине подготовленные для Женевы планы «А», «В» и «С», ввиду их очевидной неприемлемости для оппонентов, изначально не рассматривались в качестве основы для объединения Кореи. Они были предназначены для того, чтобы сохранить единство в рядах «свободного мира» [Brands 1987: 74].

Администрацию Эйзенхауэра часто упрекают в выборе слишком осторожной и консервативной тактики, в неспособности эффективно воспользоваться полицентризм в социалистическом лагере [Immerman 1990: 65–66]. В данном случае дело, очевидно, было не только в выборе тактики, но и в особенностях воззрений государственного секретаря Д.Ф. Даллеса, как правило не проводившего грани между коммунизмом и национализмом, убеждённого в том, что мировой коммунизм монолитен и управляется из Москвы, и не допускавшего мысли о том, что КНР и КНДР в отдельных случаях могли руководствоваться собственными интересами и действовать по своей инициативе. Интонация непримиримости в его общении с оппонентами практически исключала возможности достичь компромисса. По воспоминаниям очевидцев, в нарушение дипломатического протокола Даллес игнорировал присутствие на пленарных заседаниях руководителя делегации КНР Чжоу Эньлая и на всём протяжении переговоров «вёл себя с брезгливостью пуританина, попавшего в дом с дурной репутацией».

Когда У. Черчиллю доложили о поведении Даллеса в Женеве и о том, что тот покинул конференцию задолго до её окончания, ветеран британской дипломатии констатировал: «У Далла нет воображения, он ничего не понимает в происходящем, и он очень бестактен...»¹⁰⁰. После отъезда госсе-

¹⁰⁰ Согласно протоколам конференции, в последний раз Даллес присутствовал на заседаниях 2 мая [Kinzer 2013: 192].

кретаря в Вашингтон обстановка за столом переговоров стала менее напряжённой, но общая направленность диалога практически не изменилась.

Доступные сегодня документы позволяют сделать вывод о серьёзности намерений советской стороны вплоть до самого конца корейской фазы конференции выработать компромиссное решение. При этом уже во второй половине мая 1954 г. США в принятии решений исходили прежде всего из мотивов пропаганды и всерьёз думали о завершении переговоров. В результате шанс решить корейский вопрос был проигнорирован, и Женевская конференция превратилась в средство фундаментализации американской стратегии на северо-востоке Тихоокеанского региона.

В отличие от коалиции ООН, Москва и её партнёры сумели быстро согласовать позицию по Корее, но эта монолитность, в сочетании с настойчивым продвижением

КНР в «клуб великих держав»¹⁰¹, возбуждала подозрительность США. Именно Вашингтон выступил инициатором прекращения поиска компромисса и сохранения разделённого статуса Кореи. Вместе с тем, принимая во внимание политические цели США в войне и на переговорах о мире, корейскую фазу Женевской конференции можно назвать успехом американской дипломатии. Американцы сумели без потерь выйти из непростой ситуации, лавируя между позицией Республики Корея и мировым общественным мнением, они фактически настояли на условиях *status quo* и сохранили лидерство в коалиции Организации Объединённых Наций.

Итоги корейской фазы Женевской конференции закрепили разделение Кореи на два враждебных друг другу государства и надолго закрыли вопрос о возможности объединения страны.

Список литературы

- Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991 гг.) Очерки истории. М.: Весь мир, 2018. 336 с.
- Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955). М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 592 с.
- Волохова А.А. Переговоры о перемирии в Корее (1951–1953 гг.) (по материалам Архива внешней политики России) // Корё Сарам. 2015. URL: <https://koryo-saram.ru/peregovory-o-peremirii-v-koree-1951-1953-gg-po-materialam-arhiva-vneshnej-politiki-rossii/> (дата обращения: 07.12.2020).
- Галенович Ю.М. За кулисами советско-китайских отношений («Судьба толмача»). М.: НП ИД «Русская панорама», 2018. 704 с.
- Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М.: Аквилон, 2016. 318 с.
- Истомин И. Современная западная теория военно-политических альянсов: Достижения и лакуны // Международные процессы. 2017а. Т. 15. № 4. С. 93–114.
- Истомин И.А. Перераспределение потенциалов США и их союзников и его политические последствия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017б. № 2. С. 3–36.
- Манчестер У., Рейд П. Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина политической карьеры. 1940 – 1965. М.: Центрполиграф, 2016. 1183 с.
- Никитин А.И. Эволюция изучения проблематики конфликтов в контексте международной безопасности в постсоветской России // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 48–59.
- Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. 672 с.
- Робертс Дж. Шанс для мира? Советская кампания в пользу завершения «холодной войны». 1953–1955 годы // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 35–75.
- Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа груп, 2008. 544 с.
- Урнов А.Ю. Война в Корее // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 62–69.

¹⁰¹ См., например: Советско-китайские отношения. 1952–1955. М.: Книгоград, 2015. С. 194.

- Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. США и умиротворение Ли Сын Мана в преддверии Женевской конференции 1954 г. // ЭНОЖ «История». 2019. № 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008095-3-1/> (дата обращения: 07.12.2020).
- Barnes R. The US, the UN and the Korean War: Communism in the Far East and the American Struggle for Hegemony in the Cold War. L.; Bloomsbury Academic, 2014. 372 p.
- Beckley M. The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of US defense pacts // International Security. 2015. Vol. 39. No. 4. P. 7–48.
- Brands H. The Dwight D. Eisenhower Administration, Syngman Rhee, and the "Other" Geneva Conference of 1954 // Pacific Historical Review. 1987. February. Vol. 56. No. 1. P. 59–85.
- Caldwell J.D. Anatomy of Victory: why the United States triumphed in World War II, ought to a stalemate in Korea, lost in Vietnam, and failed in Iraq. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2019. 568 p.
- Chen Jian, Yang Kuisong. Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance // Brothers in arms: the rise and fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963 / ed. by Westad O.A. Redwood: Stanford Univ. Press, 1998. P. 246–294.
- Cohen W.I. The Cambridge History Of American foreign relations. Vol. IV: America in the Age of Soviet Power, 1945 – 1991. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. 283 p.
- Foot R. Anglo-American relations in the Korean crisis: the British effort to avert an expanded War, December 1950 – January 1951 // Diplomatic History, Winter 1986. Vol. 10. №1. P. 43–57.
- Gough T. US Army Mobilization and logistics in the Korean war: a research approach. Wash.: Center for Military History United States Army, 1987. 126 p.
- Graebner N.A., Burns R.D., Siracusa J.M. (Eds.) America and the Cold War, 1941 – 1991: a realist interpretation. Vol. I. Santa Barbara: Praeger, 2010. 282 p.
- Immerman R. The United States and the Geneva Conference of 1954: A New Look // Diplomatic History. 1990. Vol. XIV. № 1. P. 43–66.
- Kim Heesu Anglo-American relations and the attempts to settle the Korean question, 1953–1960. Ph.D. diss. L.: School of Economics and Political Science, 1996. 341 p.
- Kim T. Why alliances entangle but seldom entrap states // Security Studies. 2011. Vol. 20. No. 3. P. 350–377.
- Kinzer S. The Brothers. John Foster Dulles, Allen Dulles, and their secret world war. N.Y.: Times Books, 2013. 402 p.
- Lee S.H. Outposts of Empire: Korea, Vietnam and the origins of the Cold War in Asia, 1949–1954. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1995. 320 p.
- Li Xiaobing. China's War in Korea: strategic culture and geopolitics. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 245 p.
- Pardo R.P. North Korea – US relations from Kim Jong Il to Kim Jong Un. N.Y., Routledge: Ramon Pacheco Pardo, 2020. 260 p.
- Pembroke M. Korea: where the American century began. L.: One World, 2018. 346 p.
- Rapp-Hooper M. Shields of the Republic: The Triumph and Peril of America's Alliances. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 2020. 272 p.
- Risse-Kappen Th. Cooperation among democracies: the European influence on U.S. foreign policy. Princeton: Princeton Univ. Press, 2005. 250 p.
- Robb Th.K., Gill D.J. (2019). Divided Allies: Strategic cooperation against the Communist Threat in the Asia-Pacific during the early Cold War. Ithaca, Cornell Univ. Press, 2019. 288 p.
- Ruane K. Anthony Eden, British Diplomacy and the Origins of the Geneva Conference of 1954 // The Historical Journal. 1994. Vol. 37. № 1. P. 153–172.
- Stoker D. Why America Loses Wars: limited war and US strategy from the Korean War to the present. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019. 331 p.
- Szalontai B. Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet – DPRK relations and the roots of North Korean Despotism, 1953–1964. Wash.: Woodrow Wilson Center Press, Stanford Univ. Press, 2005. 368 p.
- Weathersby K. Stalin, Mao, and the end of Korean War // Brothers in arms: the rise and fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945 – 1963 / ed. by Westad O.A. Stanford Univ. Press, 1998. P. 90–116.
- Vasquez J.A. The war puzzle revisited. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 477 p.
- Weitsman P.A. Wartime Alliances versus Coalition Warfare: How Institutional Structure Matters in the Multilateral Prosecution of Wars // Strategic Studies Quarterly. Summer 2010. P. 113–136.
- Wells S.F. Fearing the worst: how Korea transformed the Cold War. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2020. 472 p.
- Westad O.A. The Cold War: a world history. N.Y.: Basic Books, 2019. 710 p.
- Whittaker D. The United Nations In Action. L.: UCL Press Limited, 1995. 308 p.
- Yong-Pyo Hong State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953–60. L.: Palgrave Macmillan, 2000. 229 p.

US COALITION DIPLOMACY ON THE KOREAN ISSUE

RECORD OF THE GENEVA CONFERENCE OF 1954*

VALERY YUNGBLYUD

DENIS SADAKOV

Vyatka State University, Kirov, 610000, Russia

Abstract

The negotiation of parameters for the settlement of an armed conflict is always a complex process in which the interests of all its immediate participants and other concerned parties collide. One of the most striking examples of such confrontations is the settlement process at the end of the Korean War of 1950–1953, which culminated in the Geneva Conference of 1954. The purpose of the article is to specify the role of the United States as the leader of the UN coalition in the negotiations, as a result of which, after three years of war involving about two dozen countries, the situation returned to its original state – the pre-war border between North and South Korea was restored, and the most active and influential members of the opposing alliances agreed to a truce. The archival documents that have become available in recent years allow us to significantly supplement the ideas formed in domestic and foreign historiography about the reasons for the incompleteness of the peace settlement process in Korea after the end of the war of 1950–1953. The article examines the contribution of the US diplomacy to creating of the Korean agenda at the conference, and shows that the UN coalition had been functioning in the "double deterrence" mode by the start of the negotiations in Geneva. The role of the United States as the leader of the military-political alliance in the development of plans for the peninsula unification is clarified. The conclusion is justified that already in the second half of May 1954, the United States, when making decisions, primarily proceeded from the motives of propaganda and considered seriously the conclusion to negotiations. As a result, the chance to resolve the Korean issue was ignored and the Geneva Conference turned into a means of fundamentalizing the American strategy in the Northeast Pacific region. It is shown that the results of the conference were in line with the immediate expectations of Washington and its long-term strategy in the Asia-Pacific region. The results of the Korean phase of the Geneva Conference consolidated the division of Korea into two hostile states and for a long time closed the question of possible union of the country.

Keywords:

United States; the Korean War; the Geneva Conference of 1954; coalition diplomacy; the United Nations; the division of Korea; Cold War; J. F. Dulles.

References

- Barnes R. (2014). *The US, the UN and the Korean War: Communism in the Far East and the American Struggle for Hegemony in the Cold War*. L.; Bloomsbury Academic. 372 p.
- Brands H. (1987). The Dwight D. Eisenhower Administration, Syngman Rhee, and the "Other" Geneva Conference of 1954. *Pacific Historical Review. February*. Vol. 56. No. 1. P. 59–85.
- Batyuk V.I. (2018). *Kholodnaja vojna mezhdu SShA i SSSR (1945–1991 gg.)* Ocherki istorii. [The Cold War between the USA and the USSR (1945–1991) History Essays]. Moscow: Ves' mir. 336 p.
- Beckley M. (2015). *The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of US defense pacts* // *International Security*. Vol. 39. No. 4. P. 7–48.

* The research is supported by the Russian Science Foundation (Project number 19-18-00501 «Internationalization of internal conflicts in US foreign policy (1945–2001): planning, informational support, military and political participation»).

- Brands H. (1987). *The Dwight D. Eisenhower Administration, Syngman Rhee, and the "Other" Geneva Conference of 1954* // Pacific Historical Review. February. Vol. 56. No. 1. P. 59–85.
- Bystrova N.E. (2007). *SSSR i formirovanie voenno-blokovogo protivostojaniya v Evrope (1945–1955)* [The USSR and the formation of the military bloc confrontation in Europe (1945–1955)]. Moscow: Giperboreja; Kuchkovo pole. 592 p.
- Caldwell J.D. (2019). *Anatomy of Victory: why the United States triumphed in World War II, ought to a stalemate in Korea, lost in Vietnam, and failed in Iraq*. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers. 568 p.
- Chen Jian, Yang Kuisong. (1998). Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance. In Westad O.A. (ed.) *Brothers in arms: the rise and fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*. Redwood: Stanford Univ. Press. P. 246–294.
- Cohen W.I. (2005). *The Cambridge History Of American foreign relations. Vol. IV: America in the Age of Soviet Power, 1945–1991*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 283 p.
- Egorova N.I. (2016). "Narodnaja diplomatiya" yadernogo veka: Dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzhenija, 1955–1965 gody. ["People's Diplomacy" of the Nuclear Age: Peace Supporters Movement and Disarmament Problem]. Moscow: Akvilon. 318 p.
- Foot R. (1986). Anglo-American relations in the Korean crisis: the British effort to avert an expanded War, December 1950 – January 1951. *Diplomatic History*. Winter. Vol. 10. №1. P. 43–57.
- Galenovich Ju.M. (2018). *Za kulisami sovetско-kitajskikh otnoshenij ("Sudba tolmach")*. [Behind the scenes of the Soviet-Chinese relations ("The fate of the Translator")]. Moscow: NP ID Russkaya panorama. 704 p.
- Gough T. (1987). *US Army Mobilization and logistics in the Korean war: a research approach*. Wash.: Center of Military History United States Army. 126 p.
- Graebner N.A., Burns R.D., Siracusa J.M. (eds) (2010). *America and the Cold War, 1941–1991: a realist interpretation*. Vol I. Santa Barbara: Praeger. 282 p.
- Immerman R. (1990). The United States and the Geneva Conference of 1954: A New Look. *Diplomatic History*. Vol. XIV. No. 1. P. 43–66.
- Istomin I. (2017a). Sovremennaya zapadnaya teoriya voenno-politicheskikh alijansov: Dostizheniya i lakuny [Western theory of international military alliances: The state of the disciplin]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 15. No. 4. P. 93–114.
- Istomin I.A. (2017b). Pereraspredelenie potentsialov SShA i ikh soyusnikov i ego politicheskie posledstviya [Political implications of redistributions of capabilities between the United States and their major Allies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 2. P. 3–36.
- Kim Heesu (1996). *Anglo-American relations and the attempts to settle the Korean question, 1953–1960*. Ph.D. diss. L.: School of Economics and Political Science. 341 p.
- Kim T. (2011). Why alliances entangle but seldom entrap states. *Security Studies*. Vol. 20. No. 3. P. 350–377.
- Kinzer S. (2013). *The Brothers. John Foster Dulles, Allen Dulles, and their secret world war*. N.Y.: Times Books. 402 p.
- Lee S.H. (1995). *Outposts of Empire: Korea, Vietnam and the origins of the Cold War in Asia, 1949–1954*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 320 p.
- Li Xiaobing. (2019). *China's War in Korea: strategic culture and geopolitics*. Singapore: Palgrave Macmillan. 245 p.
- Manchester U., Rejd P. (2016). *Winston Spencer Churchill Zashhitnik korolevstva. Vershina politicheskoy kar'ery. 1940–1965* [Winston Spencer Churchill Defender of the Kingdom. The pinnacle of a political career. 1940–1965]. Moscow: Centrpoligraf. 1183 s.
- Miyoshi J.S. (2013). *Brothers at War: The Unending Conflict in Korea*. L.: W. W. Norton & Co. 607 p.
- Nikitin A.I. (2016). Evolyutsiya izucheniya problematiki konfliktov v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti v postsovetsoj Rossii. [Evolution of conflict studies in the context of international security in post-Soviet Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 5 (50). P. 48–59.
- Pardo R.P. (2020). *North Korea – US relations from Kim Jong Il to Kim Jong Un*. N.Y., Routledge: Ramon Pacheco Pardo. 260 p.
- Pechatnov V.O., Manykin A. S. (2012). *Istoriya vneshnej politiki SShA* [History of US Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 672 p.
- Pembroke M. (2018). *Korea: where the American century began*. L.: One World. 346 p.
- Rapp-Hooper M. (2020). *Shields of the Republic: The Triumph and Peril of America's Alliances*. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press. 272 p.
- Risse-Kappen Th. (2005). *Cooperation among democracies: the European influence on U.S. foreign policy*. Princeton: Princeton Univ. Press. 250 p.

- Robb Th.K., Gill D.J. (2019). *Divided Allies : Strategic cooperation against the Communist Threat in the Asia-Pacific during the early Cold War*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 288 p.
- Roberts G. (2008). Shans dlja mira? Sovetskaja kampanija v pol'zu zavershenija «holodnoj vojny». 1953–1955 gody [Chance for Peace? Soviet campaign for the end of the Cold War. 1953–1955]. *Novaja i novejšaja istorija*. 2008. No. 6. P. 35–75.
- Ruane K. (1994). Anthony Eden, British Diplomacy and the Origins of the Geneva Conference of 1954. *The Historical Journal*. Vol. 37. No. 1. P. 153–172.
- Shen Zhihua, Xia Yafeng. (2015). *Mao and the Sino–Soviet Partnership, 1945–1959. A New History*. Lanham: Lexington Books. 401 p.
- Stoker D. (2019). *Why America Loses Wars: limited war and US strategy from the Korean War to the present*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 331 p.
- Szalontai B. (2005). *Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet – DPRK relations and the roots of North Korean Despotism, 1953–1964*. Wash.: Woodrow Wilson Center Press, Stanford Univ. Press. 368 p.
- Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.F. (2008). *Korejskij poluostrrov: metamorfozy poslevoennoj istorii* [Korean Peninsula: Metamorphoses of Post-War History]. Moscow: OLMA Media grup. 544 p.
- Vasquez J.A. (2009). *The war puzzle revisited*. Cambridge: Cambridge University Press. 477 p.
- Volohova A.A. (2015). Peregovory o peremirii v Koree (1951–1953 gg.) (po materialam Arhiva vneshnej politiki Rossii) [Negotiations on truce in Korea (1951–1953) (based on materials of the Russian Foreign Policy Archive)]. *Korjo Saram*. URL:<https://koryo-saram.ru/peregovory-o-peremirii-v-koree-1951-1953-gg-po-materialam-arhiva-vneshnej-politiki-rossii/> (data obrashhenija: 07.12.2020).
- Urnov A.Ju. (2012). Vojna v Koree [Korean War]. *Azija i Afrika segodnja*. 2012. No. 10. P. 62–69.
- Weathersby K. (1998). Stalin, Mao, and the end of Korean War. In Westad O.A. (ed.) *Brothers in arms: the rise and fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*. Stanford Univ. Press. P. 90–116.
- Weitsman P.A. (2010). Wartime Alliances versus Coalition Warfare: How Institutional Structure Matters in the Multilateral Prosecution of Wars. *Strategic Studies Quarterly*. Summer. P. 113–136.
- Wells S.F. (2020). *Fearing the worst: how Korea transformed the Cold War*. N.Y.: Columbia Univ. Press. 472 p.
- Westad O.A. (2019). *The Cold War: a world history*. N.Y.: Basic Books. 710 p.
- Whittaker D. (1995). *The United Nations in Action*. L.: UCL Press Limited. 308 p.
- Yong-Pyo Hong (2000). *State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953–60*. L.: Palgrave Macmillan. 229 p.
- Yungblud V.T., Sadakov D.A. (2019). SShA i umirotvorenije Li Syn Mana v preddverii Zhenevskoj konferencii 1954 g. [USA and the pacification of Syngman Rhee on the eve of the 1954 Geneva Conference]. *ENOZh "Istorija"*. No. 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008095-3-1/> (date of access: 07.12.2020).